

БИБЛИОГРАФИЯ ВОСТОКА

Выпуск 2—4

(1933)

**ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР**

1954

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР • ЛЕНИНГРАД

ней торговли; в третьем и четвертом — схемы шоссежных дорог в Шэньси и Хубей.

На 3 и 4 страницах обложки каждого номера даны наиболее важные статистические данные о Китае.

Журнал в основных таблицах имеет, параллельно китайскому, английский текст; исключения составляют приложения, даваемые только на китайском языке. Английский текст в журнале, несомненно, расширяет возможности его использования для незнакомых с китайским языком.

Этот небольшой обзор содержания журнала показывает его значительную ценность для научно-исследовательской работы, хотя в большинстве помещаемых материалов журнал выполняет заказы гоминьдановского правительства и не раскрывает очень многих существенных сторон экономической и политической жизни Китая, невыгодных для Гоминьдана. Поэтому вдумчивое и сугубо критическое отношение при его использовании необходимо рекомендовать каждому, работающему над этим журналом.

И. Скачков.

Март 1933 г.

Япония. Статья в «Большой советской энциклопедии», т. 65 (1931).

«Экономический очерк Японии» т. Зимана, помещенный в 65-м томе Большой советской энциклопедии, дает чрезвычайно обстоятельный анализ структуры японского капитализма, и схему его развития в основном рисует правильно.

Но вместе с тем в ряде вопросов т. Зиман дает неверные установки, дезориентирующие читателя и препятствующие правильному пониманию сложных социально-экономических процессов, происходящих в современной Японии.

К числу таких вопросов в первую очередь относится аграрный вопрос. Обрисовка аграрных отношений в японской экономике в трактовке т. Зимана страдает целым рядом существенных недостатков, идущих в основном по линии недооценки роли и значения феодальных пережитков в экономике современной Японии.

Если в своем очерке «Общая характеристика развития японского капитализма» т. Зиман и говорит, что «развитие капитализма в сельском хозяйстве Японии пошло не по американскому или прусскому, а по своеобразному пути, наиболее близко подходящему к пути аграрного развития в колониях» (стр. 573), то он совершенно не вскрывает этого своеобразия. Тов. Зиман ограничивается указанием на то, что «мелкое крестьянство, лишившись большинства прежних источников дохода (отмирание мелкой сельской промышленности, отмирание одних отраслей сельского хозяйства, напр. хлопководства, и переход других в крупные капиталистические хозяйства), сосредоточило почти весь свой труд на двух высокотоварных отраслях — рисосеянии и шелководстве, и таким образом оказалось полностью подчиненным рынку и тем, кто на нем господствует» (стр. 573).

Но разве это в какой-либо мере исчерпывает картину «феодално-колониальной» эксплуатации широких масс японского крестьянства? Разве это не позволяет прямо делать неправильный вывод о господстве капиталистических отношений в японской деревне? Это впечатление усугубляется тем обстоятельством, что т. Зиман нигде не говорит о том, что с первых шагов развития японского капитализма одной из серьезнейших помех этому развитию явилась совершенно недостаточная емкость внутреннего рынка, благодаря господству

докапиталистических, феодальных форм эксплуатации японского крестьянства. Т. Зиман на стр. 575 ссылается лишь на то, что лишь теперь, когда рост числа занятых рабочих приостановился, то «в сочетании с обнищанием крестьянства это означает серьезное сокращение внутреннего рынка». Таким образом, затушевывается одна из важных особенностей японского капитализма — постоянная (а не только создавшаяся за последнее время) зависимость от внешнего рынка, стимулирующая грабительскую политику военных авантюров с первых дней существования пореформенной Японии.

Что эта ошибка у т. Зимана отнюдь не случайна, — явствует и из его утверждения о том, что «Капиталистическая перестройка как всего народного хозяйства, так в частности и сельского хозяйства привели к высокой пролетаризации населения Японии» (стр. 578).

Повидимому т. Зиман не отдает себе отчета в том, что революция Мэйдзи и все последующее развитие не привели к капиталистической перестройке в японской деревне. Упомянув о том, что в 1925 г. около половины всего населения Японии было занято в сельском хозяйстве, т. Зиман говорит «в этом отношении Япония стоит позади даже Франции» (стр. 578; разрядка наша. И. Ц.). Но ведь во Франции как раз деревня свободна от феодальных пережитков и самое хозяйство построено на чисто капиталистической основе.

В своем очерке «Аграрные отношения» т. Зиман совершенно ошибочно противопоставляет класс землевладельцев-помещиков родовому дворянству в дореволюционной Японии; в то время как история дает многочисленные примеры взаимопроизношения этих двух категорий,

вырастания помещиков из феодалов, т. Зиман, переоценивая капиталистический характер помещичьего землевладения в Японии, считает, что феодал и помещик — это совершенно разные вещи. Поэтому он в очерке об аграрных отношениях лишь вскользь замечает, что в Японии «преобладает мелкая докапиталистическая аренда, большей частью краткосрочная (на 1 год), хотя арендный договор сплошь и рядом возобновляется из года в год».

Между тем как прямое приведение того бесчисленного количества чисто феодальных форм аренд (различные виды издольщины, местами даже отработочная рента), которое реально существует в японской деревне, ясно показало бы, какое значение имеют феодальные остатки в японской экономике, и почему именно стратегический удар японской коммунистической партии должен быть направлен в первую очередь против военно-полицейской монархии и против помещичьего землевладения — за разрешение задач буржуазно-демократической революции.

Недооценка этого момента у т. Зимана сопровождается недостаточно отчетливым пониманием специфики самого японского империализма. Т. Зиман говорит, что «природа японского империализма в основном такова же, как и всякого иного» (стр. 577)... «дополнительные стимулы, усиливающие империалистическую агрессивность и милитаризм создаются интересами военно-феодальной клики, пользующейся большим влиянием при бюрократической монархии» (там же).

Между тем Ленин, совершенно недвусмысленно говоря о Японии и о царской России, подчеркивал специфический характер империализма этих стран, указывая на «военно-феодальные» их

особенности. В статье «Имперализм и раскол социализма» Ленин писал: «В Японии и России монополия военной силы, необъятной территории или особого удобства грабить инородцев, Китай и проч. отчасти восполняет, отчасти заменяет монополию современного, новейшего финансового капитала» (разрядка наша. *И. Ц.*).

Следовательно, речь должна идти не только об определенном «влиянии» военно-феодальной клики на монархию. Для правильного понимания существа японского империализма необходимо ясное представление о соотношении сил японских капиталистов («новейшего финансового капитала»), японских помещиков полуфеодального типа и военно-полицейской бюрократической монархии, взаимно поддерживающих друг друга, дающих картину определенного взаимного переплетения, но отнюдь не сводящегося к полному подчинению какой-либо одной из этих категорий двух остальных.

Следующий вопрос, в разрешении которого т. Зиман допускает серьезную ошибку — это вопрос о госкапитализме. Правильно констатируя значительный удельный вес собственно государственных капиталовложений в различных отраслях японского народного хозяйства,

т. Зиман говорит следующее: «Государство в Японии в настоящее время концентрирует в своих руках повидому не менее четверти всего национального дохода (... До такого высокого уровня развития государственного капитализма еще не дошла ни одна крупная капиталистическая страна)» (стр. 600, разрядка наша. *И. Ц.*).

Таким образом, повидому, т. Зиман считает государственный капитализм продуктом развития всех крупных капиталистических стран на определенном этапе и, следовательно, наличие элементов государственного капитализма рисуется ему высоким уровнем развития капитализма вообще. Нечего говорить, что подобное представление способствует распространению неверного взгляда на существо современной Японии.

Ряд мелких ошибок т. Зимана (как, напр., утверждение о том, что во всех японских предприятиях запрещено применение ночного труда) не обесценивают работы, но тем более подчеркивают необходимость устранения отмеченных нами коренных недостатков, препятствующих распространению правильного представления о современной Японии.

И. Цейтлин.